

Василий САБЛИН

Энциклопедист из Кичменгского Городка

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемые читатели! Недавно на страницах «Зари Севера» вы познакомились с работой доктора исторических наук, профессора, декана исторического факультета ВоГУ, уроженца д. Голузино Кичменгско-Городецкого района Василия Анатольевича Саблина о нашем выдающемся земляке, церковном историке Николае Никаноровиче Глубоковском.

В сегодняшнем номере районной газеты мы начинаем публикацию еще одной работы В.А. Саблина о семье Глубоковских. На этот раз речь пойдет о брате Николая Никаноровича Матвея Никаноровиче Глубоковском – человеке интересной судьбы, широких энциклопедических знаний, заслужившем не меньшее признание в обществе, чем его брат.

Эта работа была подготовлена Василием Саблиным специально для «Зари Севера» и опубликована впервые в 1988 году.

В один из дней 1895 года в московский фотосалон «Шерер и Набгольц» зашел письмодорожный уже господин с целью заказать фотографию. Копию с нее обнаружил среди массы фотографий Вологодского краеведческого музея. На тыльной стороне надпись карандашом: «Матвей Никанорович Глубоковский, писатель. Кичменгский Городок». Признаться, до этого я не знал ни одного писателя-земляка, вот почему сразу заинтересовался этим человеком и решил разузнать о нем как можно больше. К сожалению, сведения собирались по крупицам, и, боюсь, не все еще ясно в его многогодовой жизни. Да, он действительно был писателем, но больше все же изобретателем... Впрочем, обо всем по порядку.

**«Всегда был первым
лишь потому, что нельзя было
поставить выше»**

М.Н. Глубоковский – выходец из семьи потомственных священнослужителей. Дед его, Петр Никанорович Селезнев, служил дьячком Глубоковской Спасо-Преображенской церкви Вельского уезда Вологодской губернии. Трижды женатый, он имел двух сыновей и шесть дочерей. Старший его сын, Никанор Петрович, в будущем отец М.Н. Глубоковского, окончил Вельское духовное училище, а в 1838 году – Вологодскую духовную семинарию. Кстати, во время обучения в училище он и получил фамилию Глубоковский, либо по названию родного села, либо озера близ него.

19 июня 1839 г. Н.П. Глубоковский был рукоположен во священника к Троицкой Селезневской церкви, что в 60 верстах от Вологды. 12 мая 1839 года он женился на дочери местного священника Матвея Родионовича Ивановского, Платониде Матвеев-

не. В семье Глубоковских родились дочь Анна, сын Петр, дочь Мария.

23 марта 1849 года семья Н.П. Глубоковского покидает Селезнево в связи с тем, что он «по доброй воле» перешел в старшие священники к Кичменгской Спасо-Преображенской церкви Никольского уезда Вологодской губернии. Здесь родились еще четверо сыновей: Василий, Матвей (27 октября 1857 г.), Александр, Николай.

Матвею шел девятый год, когда умер отец. Это случилось 23 февраля 1865 года. Семья осталась практически без средств к существованию. Все заботы о судьбе детей выпали на долю матери, Платониды Матвеевны. Лишь старший Петр к этому времени был устроен, с 1861 года он служил священником в Спасо-Преображенской церкви села Вожма Никольского уезда (ныне Костромской области).

Не могу предположить, как бы сложилась жизнь у этой семьи, если бы не счастливый случай, а вернее – благородство молодого священника Василия Михайловича Попова, сына пономаря Кобыльской Ильинской церкви Михаила Леонтьевича Попова. 30 января 1867 года он женился на старшей дочери Глубоковских Анне и пересел всю семью в Кобыльск. С этого дня он стал как бы опекуном несовершеннолетних детей. Только благодаря его заботам все они «вышли в люди». Александр, к примеру, стал кандидатом богословия, работал старшим преподавателем латинского языка в духовном училище г. Уральска, младший Николай – профессором Санкт-Петербургской духовной академии, экзегетом, церковным историком. Матвей также должен был стать священником, другого пути в тех условиях выходцам из семей духовенства было практически не дано.

В 1872 году М.Н. Глубоковский окончил Никольское духовное училище и вскоре поступил в Вологодскую духовную семинарию. Если в Никольске он еще получал хоть какую-нибудь помощь от родных, то в Вологде жить и учиться было очень нелегко. Приходилось подрабатывать в качестве певчего в церковных хорах, а впоследствии заняться «певческою антрепризою» – руководить одним из хоров. Впрочем, это не была просто работа. Свои практические наблюдения за техникой голоса и исполнения он обобщил в книге «Гигиена голоса». Книга увидела свет в 1889 году и стала весьма популярным учебником «для артистов, учителей, учеников и любителей пения, ораторов и проповедников». Но это в будущем, а пока главное – все же учеба. О его прилежании и упорстве знали не только в стенах семинарии. Это позволило брату Николаю написать впоследствии, что он «всегда был первым потому, что нельзя было поставить выше».

В 1876 году юноша исполнилось 19 лет. Позади четыре класса семинарии. Еще немного – и впереди рукоположение и, возможно, свой приход, но Матвей оставляется семинарию и в этом же году поступает в Лазаревский институт восточных языков в Москве. Являлся ли уход из семинарии са-

мостоятельный шагом? Да, несомненно. Был ли это своего рода бунт против семинарского образования? Сложно сказать.

Во всяком случае, он до конца жизни оставался верующим человеком. И в семинарии не рассматривали этот поступок как какую-то измену. Во всяком случае, из своих скучных средств семинария выплачивала ему стипендию, когда он уже учился в институте. Берусь предположить, что в определении дальнейшей судьбы Матвея немалую роль сыграл лектор Вологодской семинарии, впоследствии епископ пермский Петр (в миру Петр Леонтьевич Лосев). Он высоко чтил своего ученика. Обнаружив в нем пытливый интерес к естественным и точным наукам, отец ректор всячески их развивал.

Лазаревский институт восточных языков – единственное в России высшее учебное заведение такого рода. Основан был в 1815 году как частное «Армянское Лазаревское училище» на средства богатой армянской семьи Лазарян. Официальное название института утвердилось за ним в 1828 г.

По уставу 1872 г. он состоял из гимназических и специальных классов с трехлетним сроком обучения. Глубоковский учился в специальных классах, где готовили специалистов арабского, персидского, турецкого и древних языков Закавказья. Студентам предоставлялось право посещать лекции на историко-филологическом факультете Московского университета. Это старейшее учебное заведение существует до сих пор, с 1921 года – как Московский институт востоковедения.

По окончании полного курса института М.Н. Глубоковский в 1879 году добровольцем идет служить в армию. В 1880 году бомбардир М.Н. Глубоковский оставляет 1-ю батарею 1-й гренадерской артиллерийской бригады и поступает на первый курс медицинского факультета Московского университета. По свидетельству его брата Николая, в университет он проник «с боем» «после непосредственного счастливого обяснения с министром Сабуровым и по личному его распоряжению, вопросы оппозиции многих властей».

Учеба в университете была одним из наиболее трудных, но и счастливых периодов его жизни. Сложных – потому что приходилось постоянно заботиться о хлебе наущном, «пробавляться грошовыми уроками», от случая к случаю получать деньги за опубликованные заметки в газетах, заниматься корректурой (корректурные навыки он обобщил впоследствии в отдельной брошюре «Корректурные правила для авторов, издателей, корректоров и наборщи-

Матвей Никанорович Глубоковский.

ков», увидевшей свет в 1895 г.), счастливых – потому что университет давал то, к чему он стремился всю жизнь, – возможность заниматься интересным делом. Он совершенствует свои знания математики («пред ним часто пасовали и бесспорные специалисты»), древних языков («любил объясняться без затруднений, приводя в замешательство присяжных филологов»), поэзии (еще «на училищной скамье он довольно свободно располагал стихом, а после мог сразу писать в каком угодно стихотворном стиле и на всякие темы, даже библиографии о медицинских книгах»). Не менее компетентен был он в естественных и прикладных науках, к которым тяготел еще в училище, где составил большой гербарий, не говоря уже о медицине во всех составных и соприкосновенных частях.

Преподавательская корпорация медицинского факультета могла считаться в то время гордостью университета. Достаточно отметить, что с 1880 г. по 1882 г. доктором факультета являлся профессор Н.А. Толстий, один из основоположников педиатрии в России, основатель отечественной научной школы педиатров, с 1882 г. его сменил на этом посту Н.В. Склифосовский, известный хирург, способствовавший внедрению в русскую хирургию принципов асептики и антисептики.

В 1885 г. Матвей Никанорович окончил университет, получив диплом лекаря (официальное название врача в дореволюционной России). На следующий год он поступает на службу в ведомство Министерства Императорского двора в качестве дежурного врача при Императорских Московских театрах (Большом и Малом театрах). Должность эта, хотя и почетная, не приносила ему никакого дохода, так как не оплачивалась. Впрочем, не стал он и частным практикующим врачом. Вообще «медицинской профессией пользовался редко, часто бессорьстно, но желал достигнуть почти бесплатного (и во всяком случае необременительного) лечения для бедняков и в этом смысле пробовал добиться в Москве некоторого его осуществления». Где же он брал средства к существованию?

*(Продолжение – в следующем
субботнем номере «Зари Севера»).*

Фотографии с сайта
«Православная библиотека».

1 октября 2019 г. в Вологде на здании Вологодского государственного университета была открыта мемориальная доска М.Н. Глубоковскому.

Проект «Патриотическое воспитание» реализуется при поддержке управления информационной политики Правительства Вологодской области.

Василий САБЛИН

Начало – в газете
«Заря Севера» от 1.05.2021 г.

**«Журналистика затянула его.
Все свои силы он отдал ей одной
и не мог уж ее покинуть»**

Итак, журналистика. Следует оговориться, что в те годы под этим термином понималось гораздо больше, чем сейчас. Это был широкий спектр научной, исследовательской и общественно-политической деятельности.

Имя М.Н. Глубоковского было довольно широко известно читателям. Его заметки и корреспонденции появлялись в таких изданиях, как «Московский телеграф», «Русское слово», «Московский листок», «Русское дело», «Санкт-Петербургские ведомости» и многих других.

Больше он был связан с «Московскими ведомостями». Свою карьеру в газете он начинал с поденного корректора и поднялся до роли активного сотрудника. Сложно сказать теперь, что сближало его с редактором М.Н. Катковым, известным в 70-80-е годы XIX века публицистом среди сановной бюрократии империи. Возможно, то, что обоим небезынтересны были вопросы внешней политики. М.Н. Катков в какой-то мере делал попытки предугадать правительственный курс.

М.Н. Глубоковского также серьезно увлекали проблемы европейской и восточной политики. Случалось, что целые мессячи им составлялись передовыми статьями, в особенности о том, что касалось Франции.

После смерти Каткова с 1887 по 1896 год пост главного редактора газеты занимал С.А. Петровский. М.Н. Глубоковский при нем одно время работал помощником редактора.

Сотрудничество с газетой сблизило Матвея Никаноровича с целым рядом политических деятелей Европы. В частности, с генералом Буланже, участником Австро-итало-французской войны, Франко-прусской войны, участником подавления Парижской коммуны, впоследствии лидером французского национал-шовинистического движения, известного как буланжизм.

Бывал у него в комнатке дешевых номеров «Луч» на Тверской улице и известный политический деятель Франции, поэт Поль Деруэд.

Может показаться, что дружба с такими людьми в какой-то степени отражала политические взгляды самого Глубоковского. Думать так – значит явно сгущать краски. Кроме того, многие из русской интеллигенции испытывали к побежденной Франции явные симпатии. Жив был в памяти и недавний позор Крымской войны. Это и сближало обе стороны.

Что касается М.Н. Глубоковского, то он всегда стремился к независимости своих суждений и поступков. Однажды его племянник случайно поднял клочок бумаги, на котором Матвей Никанорович составил свой вариант пушкинской «Песни о вещем Олеге». Эти строки – еще одно свидетельство того, почему он «остался до конца дней своих только журналистом».

Приведем строфы «О литературных наемниках»:

...Волхвы не боятся газетных владык и дар (лукавства) им (вовсе) не нужен. Правдив и свободен их вский язык и с волей небесного дружен. Грядущие годы таятся во мгле, но вижу твой жребий на (плоском) челе. Запомни же ныне ты слово мое, чернильница, полная яда. Давно уж прославлено имя твое, под фирмой «отчизны ограда».

Перо у тебя не боится трудов. Узнавши (владычную) волю, оно то стоит под стрелами врагов, то мчится по строчному полю. Вранье или правда – тебе ничего, но примешь ты смерть от пера своего!»

Энциклопедист из Кичменгского Городка

1890 год. Время расцвета деятельности М.Н. Глубоковского. Он задумал «издавать научно-популярный журнал, причем намерен был вести его серьезно, строго научно. Прикладные знания, жизнь, он ставил рядом с наукой. Ему первому принадлежит мысль об издании такого журнала».

Журнал «Наука и жизнь», прообраз современного, выходил до 1895 года. По своему содержанию он вполне соответствовал названию. В нем содержалось 16 разделов, среди которых «История и философия», «Астрономия – космография», «Математика», Медицина – гигиена», «Воздухоплавание», «Фотография» и другие – практически по всем отраслям знаний. Отличный журнал, он стоил Глубоковскому немалых трудов и, по сути дела, разорил его.

Сам он писал брату: «Я поставил в банк: все что было наличного ухлопал до копейки, занял всюду, где было можно. Будущее зависит от подписки. Если бы к январю (1890 г.) набралось 1000 подписчиков, то дело выгорело бы, ибо к февралю их, наверное, было бы уже 2000, а в этом случае я мог бы издавать «Науку и жизнь» уже хорошо».

Подписчиков на журнал оказалось действительно много, но большие расходы и другие обстоятельства заставили все же прекратить издание. С 1894 по 1897 годы он издаст и редактирует журнал «Дело», но по тем же причинам вынужден был закрыть и его.

«Наука и жизнь» – явление само по себе уникальное в русской действительности конца прошлого века, собравшее плеяду прославленных имен. С журналом сотрудничали А.П. Артарн, русский ботаник, один из первых в России начавший работу с чистыми культурами водорослей, А.И. Войков, основоположник русской климатологии, А.Г. Столстов, физик, автор классического исследования магнитных свойств железа, исследователь газового разряда, К. Энглер, немецкий химик-органик, основоположник теории органического происхождения нефти и перекиси теории окисления, и целый ряд других видных ученых.

В номерах с 43-го по 46-й журнала за 1894 год появилась статья «Аэроплан или птицеподобная (авиационная) летательная машина», принадлежавшая К.Э. Циолковскому. По признанию самого автора, «до этого еще никто не разработал так подробно теорию аэроплана и с такими конкретными выводами, только теперь оправдавшимися».

Работа, опубликованная в «Науке и жизни», составила целую эпоху в развитии авиационной техники.

«Птицеподобная машина» предвосхищала конструкции самолетов, появившиеся через 15-18 лет. Следует отдать должное М.Н. Глубоковскому за его научную прозорливость и тот риск, на который шел он, публикуя «фантастический» по тем временам проект аэроплана. Надо думать, редактор журнала был пленен смелостью проекта Циолковского.

«Он только и думал об изобретениях»

В каких только областях он не пытался применять свои энциклопедические знания!

Можно только удивляться, сколь настойчив и пытлив был его ум! Ему принадлежит множество сконструированных акустических приборов и приспособлений, частью предвосхищавших идею граммофо-

MOSCOW
WOSDOWIENKA MARAND.

Рис. 1. Дамский велосипедист Чебышева на выставке в Чикаго.

Рис. 2. Схемы изобретения для устройства автоматического рулевого колеса. Рис. 3. Схемы изобретения для регулирования веса из плавкого металла.

нов. Он небезуспешно пытался усовершенствовать ружье, изобрел «добротомер» – аппарат для механического печатания рисунка на тканях, «самоход» – приспособление для быстрой остановки, препрятания экипажей и превращения их из санных в колесные и наоборот, установил особый телефон у себя в квартире и в помещении редакции «Московских ведомостей», придумал карманный бильярд и сконструировал механическую камнедробилку. По признанию специалистов, она была весьма совершенной, но тогдашняя обстановка была весьма «неблагоприятна для подобных новшеств» и требовала «прежде позаботиться об аппарате для пробивания медных лобзов».

Изобретений Глубоковского более широкое применение нашел «механический староста» – автомат для продажи свечей в церкви, а также хитроумно устроенные кресты на церквях с зеркалами вместо золота.

Как врач, он составил множество лекарственных экстрактов (в частности, мазь «Анти-болин»), питательных бульонов и приспособлений для лечения невралгии.

Он сконструировал лечебный индуктор «Электра» – переносную портативную машину, основанную на использовании электрического тока. Его индуктор весьма успешно использовался для лечения седалищной невралгии, ревматизма, при анестезии, парестезии и т. п. Аппарат «Пневма» предназначался для лечения легочных болезней, гриппа, бронхита, туберкулеза.

Ряд его проектов остался на бумаге. Но, полагаю, о них небезынтересно узнать. В частности, он опубликовал план поднятия затонувшего в 1897 году «Гангута» и отыскания пропавшей в водах Балтики в 1893 году «Русалки».

Особое любопытство вызывает еще один проект. По поводу его газета «Старый москвич» разразилась разгромной статьей: «...теперь мы видим новое бесцеремонное посягательство на старину. Нашлись люди, составившие проект реставрации царь-колокола. Их двое: горный инженер Н.Г. Славянов и доктор М.Н. Глубоковский. Первый изобрел какой-то новый способ электрической плавки металла, который и предполагает применить к царь-колоколу; второй, помимо участия в составлении проекта, поместил о нем статью в издаваемом им журнале «Наука и жизнь...» К чему придут техники, пока покрыто мраком неизвестности: но мы от души пожелали бы, чтобы

опыт с открытой Славяновым плавкой был произведен над чем-либо другим...»

Более трезвой была оценка «Московских ведомостей»: «...проект Славянова и Глубоковского представляет для техников особый интерес, во-первых, вследствие новизны изобретения г. Славянова, во-вторых же, по причине тех необычайных технических трудностей, с какими сопряжена реставрация царь-колокола, при условии сохранения всех орнаментов...»

Н.Г. Славянов (1854-1897 гг.) в то время работает горным начальником на заводах в Перми. Он впервые применил электроток для прямого нагрева. В 1888 году разработал и произвел сварку металлическим электродом с предварительным подогревом изделия, которую назвал способом электрической отливки металлов. Таким способом предлагалось восстановить царь-колокол.

Не ясно, при каких обстоятельствах М.Н. Глубоковский познакомился с Н.Г. Славяновым. Но сотрудничество их было довольно длительным. Можно предполагать, что какую-то роль в этом сыграл епископ пермский Петр, убывший ректор Вологодской семинарии, наставник М.Н. Глубоковского.

Благодаря ему Славянов с февраля 1893 года по декабрь 1894 года исправил в спархии 34 колокола общим весом 1623 пуда.

Отреставрированные колокола звонили не хуже, чем раньше. За все время опытов был единственный срыв, когда приходили, получив вновь оживший колокол, полдня звонили в него, причем исправильно – об один край, – и так-таки выломили его.

До царь-колокола дело не дошло, но для удивительного другого – уменьшись Глубоковского находить интересных людей и работать с ними.

(Продолжение – в следующем субботнем номере «Зари Севера»).

Фотографии с сайта «Православная библиотека».

Проект «Патриотическое воспитание» реализуется при поддержке управления информационной политики Правительства Вологодской области.

